

Часть первая

Глава 1

Они познакомились три года назад в клубе-ресторане «Догма». Модное место, ориентированное на молодежь. Золотую и ту, что поднялась из низов: тик-токеров, вайнеров, геймеров, стримеров. Паша работал в нем сначала официантом, затем барменом, Анна же была завсегдатаем. Заходила не реже двух раз в неделю. Любила фирменные безалкогольные коктейли, блюда молекулярной кухни и приглушенную музыку. Едва включался в работу диджей и начинался танцевальный движ, она покидала заведение. Держалась особняком. Бывало, приходила с компанией, но редко. И те, кто составлял ее Ане, больше в «Догме» не появлялись, а она неизменно возвращалась.

Девушка отличалась от других, поэтому Паша Субботин и обратил на нее внимание. Приятная, милая, интеллигентная, дорого, но не модно одетая, она не примыкала ни к одному из кланов. Золотые детки держались вместе, как и «позолоченные». Иногда пересекались, но не сближались. Они были из разных миров. Отпрыски миллионеров, чиновников, богемы с юных лет занимались с репетиторами, изучали языки, путешествовали, и обретшие славу благодаря интернету пацаны и девчонки казались им

тупыми, ограниченными... Колхозниками! Колхозники, в свою очередь, не любили мажоров. Легко быть крутым, когда ты родился с золотой ложкой в зубах. А ты попробуй выбраться из грязи в князи! Купить «Майбах» на свои, а не папины денежки. Что, кишка тонка?

Такие перепалки случались между завсегдатаями. Мажоры в словесных баталиях побеждали. У них и словарный запас больше был, и опыт унижения тех, кто ниже по статусу. Однако колхозники одолели бы их в драке, но потасовки пресекались охраной. Тоже молодыми ребятами из спортивной среды. За Анной ухаживал один, Мага, красавец, боец смешанных единоборств, обладатель пояса какой-то не самой крутой лиги, но и ему было всего двадцать. А девушка предпочла ему худого очкарика... Пашу!

Он работал с семнадцати лет. Как окончил школу, так и устроился официантом. Не в такое крутое заведение, как «Догма», а в обычную закусочную, и все же смог там неплохо зарабатывать. А все потому, что вкалывал по двенадцать часов. Кроме этого еще и учился на очном, чтобы в армию не идти. Ума Паша был блестящего, памятью обладал феноменальной, так что сессии сдавал легко. Педагоги прочили парню большое будущее, уговаривали пойти в аспирантуру, посвятить себя науке, но тот хоть и не знал, кем собирается стать, но в одном был уверен — только не ученым.

Родители Паши погибли, когда ему было девять. Мальчика отправили в детдом, откуда его забрал через два года единственный родственник, двоюродный

дед Эрнест Глебович Субботин. Жил он в некогда засекреченном городе на Волге, туда еще академика Сахарова сослали. Работал в НИИ заведующим лабораторией. Был невероятно умен и чудаковат. Деда своего Александра Паша не знал, тот умер до его рождения от рака, но, как говорил Эрнест Глебович, был просто гением. Однако отказался от научной карьеры и на заре перестройки занялся бизнесом. В нем преуспел и оставил приличное наследство. Сын его, Пашин отец, его еще приумножил. Они жили не просто хорошо, роскошно. Из-за денег родителей и убили. Бизнес Субботиных отжали, как и недвижимость, а девятилетний Павлик остался бедным сироткой.

Барчук попал в детдом. И мог бы там пропасть, но сумел сориентироваться. Паша быстро научился выживать, сведя дружбу с нужными ребятами. Поэтому, когда мальчику сообщили о том, что его забирает к себе брат деда, он даже не обрадовался.

Эрнест Глебович жил в большой захлавленной квартире в центральном районе города Энска. Невзирая на звание доктора наук, получал скромно. Деньги мало интересовали профессора. Питался он в институтской столовой, годами, если не десятилетиями, носил одну одежду, не имел не только машины, но и телевизора. Единственной роскошью в его доме был компьютер, но Павла к нему не подпускали. Дед выделил ему самую большую комнату с шикарным балконом, устроил в школу и оставил в покое. Деньги на элементарные нужды он оставлял на холодильнике. Часто забывал, но по требованию выдавал. Иногда приносил Паше пирожки и эклеры из столовой.

Но обычно его не замечал. Впрочем, как и многих. Эрнест Глебович был погружен в науку. Внимание на опекаемого родственника обратил, только когда понял, что тот унаследовал дедов ум. Паша в двенадцать решал задачки из высшей математики ради забавы. Ему легко давались физика и экономика, которую начали преподавать в их школе. Не ладилось у парня только с химией, любимой наукой Эрнеста Глебовича. Но двоюродный дед понял, что Павлу просто не повезло с педагогом, и стал заниматься с ним лично. Даже сделал пропуск в свой НИИ (секретность с него сняли), где в его распоряжении была шикарная по советским меркам лаборатория.

Паша и в химии начал разбираться, но она не увлекла его. Поэтому по окончании школы он поступил в московский вуз, где готовили физиков-ядерщиков. Эрнест Глебович на него обиделся, как когда-то на своего брата, ушедшего в бизнес, и перестал с ним общаться. Поэтому Паше никто не помогал. Он вкалывал сначала в закускойной, потом в «Догме», размышлял о том, кем стать по окончании университета, каким образом откосить от армии и... как удержать рядом с собой прекрасную Анну. Паша мечтал создать с ней семью, но что он мог предложить ей в свои неполные двадцать три? У него ни кола, ни двора, ни четких перспектив. При хорошем раскладе его, блестящего студента, возьмут в государственную корпорацию, помогут уладить вопрос с армией, возможно, дадут служебную квартиру, но благополучия придется ждать. И не факт, что оно наступит. Ум не гарант радужного будущего,

уж в этом Паша, проживший с Эрнестом Глебовичем шесть лет, не сомневался. Но тому не нужна была семья, дети, а младшему Субботину — да.

Анечка была старше его на год. Ей уже исполнилось двадцать четыре. Она получила профессию и работала в рекламном агентстве. Жила в шикарной квартире с папой. Тот воспитывал ее один и познал радость отцовства в зрелом возрасте, когда ему было хорошо за сорок. Он души не чаял в своей девочке, оберегал ее ото всех невзгод, а еще... Считал, что Ани достоин лишь избранный. Поэтому она ему Пашу не представляла.

— Мы три года знакомы, — говорил он ей. — Давно дружим и уже год встречаемся. Мы планируем совместное будущее. Не пора ли тебе представить меня отцу?

— Я боюсь, Павлик, — вздыхала она. — А вдруг ты ему не понравишься?

— Потому что я голодранец?

— Совсем нет. Папа сам из бедной семьи.

— Тогда в чем дело?

— Ты работаешь в клубе.

— И что?

— Папа считает, что там весь персонал бухает, а то и принимает наркотики.

— А те, кто их посещает?..

— Тоже. Поэтому я скрываю от него свои визиты в «Догму».

— И не пьешь алкоголь?

— Да. Но я не трезвенница. В Новый год и в наши дни рождения мы с папой пьем шампанское. И на

корпоративах я могу вина пригубить. Он не против. Но, чтобы со мной ничего не случилось, папа забирает меня с банкетов. А как-то я даже водки выпила, когда мы проект сдали! Целую стопку...

— Ты мне зубы не заговаривай. Скажи, когда будешь с отцом знакомить? Мы можем не говорить, где я работаю. Тем более я после защиты диплома увольюсь. Буду себе место искать.

— И сразу после этого я вас познакомлю. Пойми, я не хочу все испортить. Вы оба мне дороги. Я люблю тебя, но и мнение отца мне очень важно.

— А если он будет против меня, кого ты выберешь?

Паша хотел задать этот вопрос, но сдержался. Конечно, отец важнее. Другого не будет. А влюбиться Аня сможет еще раз. Он очень рационально мыслил. Физик все же, не лирик. Хотя его любовь к Ане была нелогичной. Он должен был выбрать другую. Более подходящую ему. Например, Катюшу.

Они вместе учились. Она была ему под стать, то есть мыслила в том же направлении, интересовалась теми же вещами. Умная девочка из простой семьи, она и сессии сдавала, и умудрялась подрабатывать детским аниматором. Была веселой и симпатичной. Жила с мамой в Бутово, красила волосы в разные цвета. На праздниках для малышни показывала не сценки, а различные опыты: могла превратить жидкость в кристалл, а картошку в проводник тока.

Паша не очень разбирался в девушках. Не в природе их поступков, тут инстинкты диктовали условия, и это поддавалось логике, а в эмоциях. Но ему каза-

лось, он Кате нравится. Его же тянуло к Ане. Той, которая ему не по зубам. И не только в финансовом плане. Они встречались год, но ни разу не занимались сексом. Целовались, обнимались, да так пылко, что у обоих тряслись ручки и ножки после того, как они друг от друга отлипали. Однако Аня не позволяла переступать черту. А Катя сразу намекнула, что не прочь. Другой бы спал с доступной, а строил планы на ту, о которой грезит, но Паша был не из таких.

В первые два года учебы он жил в общежитии. Когда устроился в «Догму» и начал хорошо зарабатывать благодаря чаевым, переехал в комнату. Хозяйка квартиры, пожилая бездетная вдова, с мая по конец октября жила на даче, и Паша мог полностью распоряжаться и кухней, и туалетом. Это был большой плюс, потому что он очень уставал от людей в институте и на работе и кайфовал, находясь в одиночестве. В ТОТ день у него был выходной. Редкий и долгожданный. Хозяйка уже уехала, и Паша планировал получить от жизни все. То есть ходить по квартире голым, жарить куриную печень, от запаха которой бабку воротило, слушать музыку без наушников и читать труды советских физиков-ядерщиков.

Но когда он зашел в дом, то услышал:

— Паша, не дергайся, пожалуйста. Я не желаю тебе ничего плохого.

— Вы кто? — Он увидел силуэт человека. Тот расположился в кресле в углу его комнаты. На него обычно Паша сбрасывал одежду перед сном.

— Это не важно.

— Как вы в квартиру попали?

— И это тоже...

Был вечер, но за окном еще светило солнце. Однако тот, кто сейчас сидел в кресле, задернул в квартире шторы. Поэтому Паша не видел его лица, оно скрывалось в тени капюшона... И просто в тени.

— Сядь, — скомандовал незнакомец и указал на табурет в прихожей. Между ним и креслом было около пяти метров. Паша послушался. — Я хочу предупредить тебя: остерегайся чужаков. Не сближайся ни с кем посторонним, это может быть опасно.

— Вы меня ни с кем не путаете? Я простой человек. Студент-бюджетник. Сирота. Бедняк, как вы видите по обстановке...

— О, ты далеко не простой человек, — хмыкнул незнакомец. — Только пока не знаешь об этом. Ты, Паша Субботин, наследник.

— Заводов, газет, пароходов моего отца? Так все это раздербанили между собой его партнеры, прикормленные ими менты да бандиты.

— Все, да не все.

— Хватит говорить загадками! Можно хоть немного конкретики?

— Пока нет. Но я тебя предупредил. Если смогу, приду еще.

— Вот уж не надо.

— Поверь, я тебе еще пригожусь.

— Вы кто? И не надо вот этого вашего «не важно». Назовитесь хоть как-то...

— Хорошо, — покладисто согласился незнакомец. — Давай я буду Физиком. Считаю меня коллегой. А теперь, будь добр, уйди в туалет и запишись там.

— Это еще зачем?

— Хочу спокойно покинуть квартиру.

— Вы, между прочим, тоже чужак, а их я должен остерегаться!

— Паша, ты же умный парень, сам посуди: желал бы я тебе зла — сюсюкал бы тут с тобой? — Физик оперся руками о подлокотники, давая понять, что намерен вставать. — Иди в туалет. Я проверил щеколду, задвигается с нажимом. Как я услышу тяжелый лязг, уйду.

Спорить было бессмысленно, поэтому Паша сделал как велели. Когда он закрылся, дверь толкнули, проверили, заперта ли. Затем послышался голос:

— Ты когда своего двоюродного деда в последний раз видел?

— Пять лет назад. Перед отъездом в Москву.

— Советую его навестить.

— Не слишком ли много...

Грохнула входная дверь, и слово «советов» можно было не договаривать. Паша стал отодвигать задвижку. Но она, как правильно заметил Физик, была тугой. Когда парень справился с ней, покинул туалет и подбежал к окну, незваного гостя и след простыл.

Глава 2

Ах как она любила наряды!

Именно наряды, а не парадно-выходные вещи. Коктейльные и вечерние платья, что были уместны в обществе, Ариадне казались скучными. Ей нравились концертные платья звезд, в стразах, перьях,

с трехметровыми шлейфами. Была бы ее воля, носила бы только их. И в пир, и в мир. Но Ари вынуждена была ходить в темной юбке и белой блузке на работе, а вне ее — в джинсах и футболках. Трудилась она в банке кассиром, а свободное время посвящала своей тетушке и ее собакам. Их было три, дворняжка, шпиц и какой-то терьер. Ариадна выгуливала их, а также выполняла все прихоти родственницы. Та обещала оставить ей свою огромную сталинку, и если недополучала внимания со стороны племянницы, то принималась ту шантажировать.

Надо сказать, что Ариадна хоть и хотела заполучить восемьдесят восемь квадратных метров в доме, построенном для партийной элиты в конце тридцатых, но не настолько, чтобы из-за них приносить себя в жертву ненавистному человеку. Тетку же она обожала с детства. Та была ее кумиром. И именно она сформировала в Ариадне вкус. Неуместный для работника банка, но подходящий для актрисы оперетты.

Тетка, Мария Лавинская, ею и была. Но блистала не только в театре. Она и в кино снималась. В трех советских мюзиклах, один из которых принес ей огушительный успех.

Она была родом из славного города Энска. В нем окончила училище, дебютировала на сцене. Звездой оперетты стала там же. А квартиру в элитной сталинке для нее выбил первый муж, председатель горисполкома. С ним Мария через пару лет развелась, а все из-за того, что тот не хотел ее отпускать в Москву сниматься в кино. Побоялся, что уведут.

Поскольку для тетки карьера была на первом месте, она с супругом рассталась и отправилась покорять даже не столицу, весь Советский Союз.

Успех Марии Лавинской пришелся на начало восьмидесятых. Она купалась в лучах славы и мужского внимания, думая, что дальше будет еще лучше. Но годы брали свое, ей перевалило за тридцать, и играть в кино юных кокеток она уже не могла, а на возрастные роли сама не соглашалась. И из столичного театра варьете ее вскоре попросили. А там — развал Союза, упадок, безденежье. На рубеже восьмидесятых — девяностых даже суперзвезды советского кино остались не у дел. Кто подавался в челноки, кто за еду и подачки на сходнях у бандитов выступал, кто оставался верным искусству, служил в театрах, спивался, опускался. Мария Лавинская прошла через все. И обувью торговала, и была «крепостной» актрисой при воре в законе Мономахе, и в родном энском театре давала благотворительные концерты, опрокидывая в антракте несколько стопочек коньяка. На нервной почве потеряла голос. Выступать Мария Лавинская уже не могла. Но открыла в себе дар преподавания. Стала учить талантливых подростков пению. Ее взяли педагогом в родное училище. До пенсии она в нем работала. На заслуженный отдых ушла в шестьдесят. Могла бы задержаться, но опять попросили.

Ариадна своим экзотическим именем была обязана тетке. Та исполняла партию этой мифологической царевны в каком-то спектакле и хотела так назвать свою дочь, но после четырех аборт и двух выкидышей так и осталась бездетной.

Тетка много времени уделяла Ари, когда та была ребенком. Это было время благотворительных концертов и коньячка в антракте. Мария водила девочку в театр, позволяла смотреть представление из-за кулис, хозяйничать в гардеробной, пользоваться гримом. Но больше всего Ариадне нравилось ночевать у тети. Мама работала по сменам, а оставить пяти-семилетнюю дочь было не с кем, только с сестрой. Она первое время беспокоилась, все же Мария богема, любит погулять, выпить, да и мужики у нее чередой, но дочь заверила ее, что все хорошо. Они читают пьесы по ролям, пьют перед сном кефир и укладываются на соседних кроватях. Не знала она, что тетка и племянница договорились не мешать друг другу: Мария, если ей нужно было, уходила кутить или приводила компанию в дом, а Ариадна лазила по всем шкафам, примеряла все, что хотела, смотрела телевизор хоть до утра, пила вместо кефира фанту.

Безобразий в доме Марии Лавинской никогда не было. Гости ее хоть и много пили, но были такими же творческими, как и она, они горланили песни, читали стихи, бывало, спорили, но только на тему искусства. Если кто-то хотел предаться любви, то делал это в дальней комнате, и дверь запиралась на задвижку. Ари тоже не нагела. Не упивалась газировкой до диатеза, не включала эротические каналы, да и за взрослыми особо не подглядывала. Единственное, в чем она не знала меры, так это в примерке нарядов. У тетки их много скопилось. Она хранила самые любимые десятилетиями. Была пара платьев из фильма, сделавшего ее звездой. В нем Мария иг-

рала любовницу императорской особы. И там кружево, блески, перья, шлейф. Маленькая Ари рядилась в эти шикарные вещи и до утра кривлялась у зеркала, представляя, как когда-нибудь будет носить что-то подобное.

Но судьба распорядилась иначе. За неимением хоть какого-то артистического таланта Ариадне пришлось пойти учиться на экономиста. Замуж за принца или хотя бы богача тоже выйти не получилось. Поэтому в свои тридцать Ари работала в банке, носила юбку и белую блузку, была одинокой, жила с мамой, а все свободное время посвящала тетушке и ее трем собакам.

...Ариадна подошла к подъезду, достала ключ от домофона, но не успела его приложить, как затрещал мобильный. Тетушка, поняла она. Не виделись два дня, и Мария решила напомнить племяннице, кто ее госпожа.

— Алло.

— Ари, ты что себе позволяешь? — без приветствия начала тетка. Чуйка не подвела, это была именно она.

— Добрый вечер, Кока. — Она так называла Марию, ведь та была ее крестной.

— У меня давление второй день, а ты даже не позвонишь, не спросишь, как мое здоровье.

— Извини, я на работе зашиваюсь.

— И собаки не выгуляны. Хорошо бы себя чувствовала, сама бы вывела, но у меня кружится голова.

— Сейчас поужинаю и приду к тебе. — Они жили недалеко друг от друга. Только тетка в шикарном

доме, а ее сестра с дочкой в обычной девятиэтажке, втиснутой между сталинскими полудворцами в смутные времена стихийной застройки города.

— Ужин отдай врагу.

— Нет их у меня, — буркнула Ари.

— Зато жиры на талии имеются. Посиди на диете немного. И пей кефир, как тебе всегда велела мама. Мне, кстати, тоже купи по дороге. Кисленького хочется. — Послышался лай. Это гавкала дура Нюра, шпиц. Тетка назвала ее в честь давней соперницы. — Жду тебя через десять минут.

— Я не успею.

— Не брешь. Ты стоишь у подъезда. Вижу тебя в бинокль.

— Откуда он у тебя?

— Нашла на антресолях. От третьего мужа осталась, наверное. Он у меня военным был.

— Ладно, жди, — вздохнула она и потопала в направлении высотки со шпилем, увенчанным пятиконечной звездой.

В одном тетя была права: Ари с годами полнела. Всею виной, скорее всего, сидячая работа. Или любовь к сладкой газировке и чипсам? Учась в институте, Ариадна носила сорок шестой размер одежды, а теперь пятидесятый. Она не была толстой, скорее крупной, высокой, плотной, но с таким телом перед мужчиной без стеснения не разденешься. Так что хорошо, что у Ариадны его нет. Причем давно.

Она была замужем. Недолго, всего полгода. Выскочила по молодости за бывшего ученика тетки, ныне ведущего свадебных мероприятий. Ее тянуло

к талантливым мужчинам, а этот был еще и хорош собой. Щегольски одевался, был всегда причесан, выбрит. Выглядел от силы на тридцать, а ему было ближе к сорока. Он годился Ари в отцы, но это тоже ее привлекало. Своего-то батю она толком не знала — он ушел из семьи, а вскоре переехал в Польшу. Но молодой-немолодой муж оказался инфантилом (кто б мог подумать!), гулякой и выпивохой. Решив обзавестись крепким тылом, он женился на порядочной девушке, молодой, скромной и бесконечно в него влюбленной, думал, она будет терпеть его похождения, но Ариадна, раскусив его, тут же подала на развод. Через пару лет с другим мужчиной съехала. Он был прямой противоположностью ее певцу, мастер на все руки, и слесарь, и электрик, и плотник, не пьющий, не гулящий. Выглядел, конечно, так себе, но Ари надеялась его привести в порядок. Думала, что он такой замарашка, потому что холостой. Она ему и вещи покупала, и стирала их, и напоминала, что нужно носки менять каждый день, а еще мыться. Но невозможно следить за взрослым человеком изо дня в день. Вот только разошлись они не из-за этого. Запил однажды ее мастер на все руки. Кодированным оказался.

С тех пор прошло три года. И все это время Ариадна была одна, пара коротких романов с парнями с сайта знакомств не в счет. Раньше, когда у нее была личная жизнь, тетка ее не часто дергала. Но тут еще одно сыграло роль: два года назад у нее случился инсульт. И хоть оправилась от него быстро, до сих пор «козыряла» перенесенной болезнью. Никому

о ней забыть не давала, ни родственникам, ни соседям, ни врачам поликлиники. Последним особенно! Все требовала бесплатных лекарств, обследований, путевок в санаторий. И всем ее обеспечили после выписки из больницы, и на реабилитацию отправили в хорошую здравницу, но Коке этого было мало. Она искусно изображала умирающую — актриса как-никак, да только обследования показывали, что с ее здоровьем все в порядке. Давление разве что высокое, но у кого в ее возрасте оно как у космонавта?

Купив по пути кефира, Ариадна подошла к подъезду. Открыла входную дверь своим магнитным ключом, поднялась на десятый этаж. Мария уже ждала ее у входа, как и собаки. Они обрадовались Ари. Все трое любили девушку. Но особенно дура Нюра, эта вредина и пакостница. У хозяйки она кучу обуви перегрызла, но ни к одной паре Ариадны не притронулась. Ей же самой больше нравилась дворняжка Наташка, черно-белая, лохматая, бестолковая, но очень игривая и добрая. А верховодила ими старая терьериха Оля. Кока всем своим питомцам давала человеческие имена. Когда Ари звала их во дворе, случайные прохожие хихикали. Думали, что та своих дочек или племянниц кличет, а к ней собаки подбегают.

— Несвежий, — первое, что услышала Ариадна от Коки. Это она срок годности кефира посмотрела.

— Вчерашний.

— А сегодняшнего?..

— Не было сегодня привоза.

— Ладно, пойдем перекусим, потом девочек выведешь, — и повела ее в кухню.

Квартиру госпожи Лавинской Ари знала лучше хозяйки. Каждый уголок, каждый ящичек. Исследовала всю, когда была маленькой. А с тех пор в ней ничего не изменилось, кроме унитаза и смесителя, которые стали подтекать. Ремонт не делался лет сорок. Но при этом квартира выглядела достойно. А все потому, что отделана была на совесть, с применением заграничных материалов. Благо популярная актриса Лавинская могла достать их через своих влиятельных поклонников. В гостиной стены были декорированы набивным шелком, в ванной венецианской штукатуркой, а все рабочие поверхности кухни были гранитными. Паркет же дубовый, положенный при строительстве, нуждался только в уходе.

Они сели за стол. Кока достала стаканы, разлила по ним кефир. К нему подала постное печенье. Ари без энтузиазма принялась за ужин. Дома ее мама супом бы накормила или пюре с котлеткой да компота из сухофруктов налила сладенького, но Кока права, надо побережь фигуру. Ей еще принца искать!

Пужинали быстро. Много ли нужно времени на то, чтобы выпить стакан кефира и съесть пару крекеров.

— Собак выведу, — сказала Ари. — Им уже не терпится.

На самом деле не терпелось ей! Домой хотелось. Там котлеты, которые можно съесть и без пюре или хлеба, а это, считай, диета, диванчик любименький, сериал. Ариадна после трудового дня хотела мало-го — тишины и покоя.

Пристегнув к ошейникам собак поводки, она вывела их.

Пока Наташка носилась, Ньюра заигрывала с детворой, а Оля что-то выкапывала, Ари сидела на лавке, уткнувшись в телефон. Нужно хотя бы новости посмотреть, пока есть время. Собак еще не кормили ужином, и они никуда не убегут.

— Извините, это ваши питомцы? — услышала Ари мужской голос. Подняв глаза, увидела старика. Лохматого, бородатого, в засаленном костюме, но на божья не похожего. Разве что на чудика. — Не могли бы вы их придержать? Я боюсь собак.

Ариадна выполнила просьбу мужчины, и он пошел к подъезду. Странный тип. Боится некрупных домашних собак. Плюс еще и выглядит комично. Костюм из восьмидесятых, фланелевая рубашка из девяностых (к ней полосатый галстук с переливом — шик нулевых), а в ухе современная гарнитура.

Когда через пятнадцать минут Ари вернулась в квартиру тетки, то с удивлением обнаружила там чудного старика. Он сидел в гостиной и пил кофе. Мария сварила его ради гостя. У нее имелся какой-то редкий сорт арабики, и только избранные удостаивались чести его попробовать. Ари его ни разу не предложили. Сама же Кока, как всякий гипертоник, не пила кофе вовсе.

Представлять деда племяннице Мария не стала, прикрыла дверь со словами:

— Девочки натопчут, помой им лапы.

Пока Ариадна делала это, госпожа Лавинская заканчивала разговор с гостем. На момент, ко-

гда девушка вышла из ванной, за ним закрылась дверь.

— Кто этот чудной старик? — любопытствовала она.

— Старик? Да он младше меня на два года!

— Внешне он годится тебе в отцы, — польстила тетке Ари. — Так кто он?

— Давний друг.

— Он странный.

— Ученый, что ты хочешь? — хмыкнула Кока и, подхватив кофейную чашку, направилась в кухню. Шла она легко, даже игриво, да и выглядела помолодевшей. Визит давнего друга явно пошел Марии на пользу.

— Как ты умудрилась познакомиться с ним? В твоём кругу была одна богема.

— Ты ничего обо мне не знаешь, деточка. Были времена, когда я вращалась среди представителей научного сообщества. Но с Эрнестом мы подружились в детстве. Я училась в одном классе с его старшим братом Сашей. И жили мы неподалеку.

— Он был влюблен в тебя?

— Естественно, — мелодично расхохоталась Мария. — И до сих пор, как я поняла, сохранил чувства ко мне. Эрнест однолюб. Он верен науке химии и мне.

— У вас что-то было?

— Нет, конечно. — Кока достала из шкафчика бутылку армянского коньяка и две тонконогие хрустальные стопочки. — Если не считать поцелуев в щеку.

— Выходит, у него никого не было?

— Ты про секс? — Она разлила «Арарат» по емкостям. — Свечку не держала, но уверена, что нет. Эрнест принял целибат, поняв, что я никогда не стану его.

— Почему ты о нем не рассказывала раньше?

— Честно? Подзабыла. У меня в те годы было столько поклонников... — Мария скинула шаль, которой задрапировалась ради гостя. Не могла предстать перед ним в обычном домашнем платье. — Давай, Ари, выпьем за любовь...

— У тебя же давление!

— Вот и нормализуем его. Наш главреж в московском мюзик-холле выпивал от тридцати до пятидесяти миллиграмм ежедневно. Но не больше! И дожил до девяноста лет. А он прошел войну, был дважды ранен.

И они выпили за любовь. Закусили теми же крекерами. Тогда как собаки поглощали говяжью вырезку, хоть она и выглядела как подсушенный козий помет.

— Зачем он пришел к тебе? После стольких лет? Или вы видите регулярно, просто я не в курсе?

— Мы не общались... уже и не помню, сколько времени. Больше десяти лет точно. Брат Эрнеста Александр учился со мной в одном классе. — Кока часто забывалась и повторяла одно и то же. — Я подружилась сначала с ним, потом уже с младшеньким. Мы долгие годы были близки. Субботины бывали на моих премьерах, а Эрнест даже на первой свадьбе присутствовал. Но судьба нас все-таки развела. И о том, что Александр умер, я узнала не от его брата. Птичка на хвосте принесла...

— Что с ним случилось?

— Рак сожрал. Вскоре и жена его скончалась. Остался сын, но того убили. Его и жену.

— Кошмар какой! За что?

— Из-за чего, — поправила ее Кока. — Конечно же, из-за денег. Сашка в бизнес из науки ушел, хорошо поднялся. Сын его смог еще больше раскрутиться, и жена ему в этом помогала. Заказали Субботиных. Ладно, пощадил их ребенка, мальчика девяти лет. Сейчас он уже взрослый и завтра приезжает к Эрнесту в гости.

— Откуда?

— Из Москвы. Парень там учится. По словам Эрнеста, он пошел в деда, и у него блестящий ум. — Мария налила еще коньяка. Чуть подумав, достала из навесного ящика коробку ассорти. Конфеты ей дарили на 8 Марта, но Кока до сих пор их ела. Сладкое, как и коньяк, она себе редко позволяла. — Завтра мы с тобой идем к Субботиным в гости.

— А я тут при чем?

— Кто-то должен меня сопровождать, это раз. — Она отсалютовала племяннице стопкой и опрокинула ее содержимое в себя. Конфеткой только занюхала. — Два: Паша очень перспективный молодой человек, а ты свободная женщина.

— Кока! — возмутилась Ари. — Мальчишка — студент, а мне пошел четвертый десяток.

— И что? Эрнест тоже младше меня...

— На два года? Это ерунда.

— Восемь лет тоже. А таких, как Паша, надо щенками разбирать.

— Все, сил у меня больше нет. — Ари грохнула стопку об стол. Ладно, не разбила. — Ты все чаще бредишь, и слушать тебя... — Она махнула рукой и пошла к выходу.

— Завтра в семь жду тебя.

— Не жди! — И выскочила за порог. Но сама же знала, что как штык явится. Не для знакомства с породистым щенком Пашей, а чтобы сопроводить тетку в гости.

Глава 3

Она никогда не была в Энске. Да и вообще мало какие города за жизнь посетила...

Раз они ездили с отцом в тур по Европе. Посмотрели несколько столиц, но ни в одной не задержались дольше, чем на два дня. Галопом... По Европам. Если они ездили на море, то Средиземное, в Турцию, всегда в отель-дворец Белека. Еще Аня хорошо знала Питер, куда моталась с однокурсниками регулярно, иногда оттуда они отправлялись в Финку. Вот и все места, которые Аня посетила. Для москвички, дочери богатого папы, студентки престижного вуза — ерунда. Ее приятели летали на шопинг в Милан, на гонки в Абу-Даби, они катались на лыжах в Альпах, а на серфах в Индонезии. Что уж говорить о городах Российской Федерации? Захотели чак-чак — рванули в Казань, за янтарем — в Калининград, от пуза поесть мяса на углях, домашнего вина выпить — добро пожаловать в Махачкалу.

Отец был против таких поездок. Он трясся над Аней, и она все понимала. Он боится ее потерять.

И не только физически. Эдуард Петрович Гараев растил порядочную девушку, цельную личность, умницу-разумницу и не простил бы себе, стань Аня легкомысленной, пустой, авантюрной... распутной, не дай бог! Поэтому никаких Амстердамов и Паттай. Как и общих финских бань. Приятели ходили в такие, а Аня нет. Как-то из чувства протеста решила посетить гей-клуб, но не смогла даже порог переступить.

Родители девушки не состояли в браке. Жили вместе несколько лет. Эдуард по командировкам мотался, за квартирой кто-то должен был присматривать, пыль вытирать, цветы поливать. И он нанял девушку-мигрантку по рекомендации. Ей хорошо, жилье не снимать, и ему польза. Когда хозяин возвращался, та ему еще и готовила, стирала одежду, гладила. Ее звали Софьей. Русская беженка из Нагорного Карабаха. Была бы армянкой или азербайджанкой, ей бы помогли свои. Но полагаться Соне было не на кого. Она мыкалась по чужим домам, пока не попала к Эдуарду. Через полтора года он ее оставил у себя в качестве гражданской жены. Она забеременела, родила. Дочку Эдуард записал на себя, Софии с получением гражданства помог, но не женился на ней. Говорил, это всего лишь штамп в паспорте, который ничего не меняет. Может, поэтому Софья его бросила?

Аня плохо ее помнила. Больше свою нянюшку, бабу Мариам. А мать исчезла из жизни девочки, когда той исполнилось три. То есть бросила не только гражданского мужа, но и дочь. Аня никогда не ощущала на себе материнской любви. Уж это-то должно было запомниться? Но нет! Софья просто выполняла свои

обязанности. Сначала домработницы, потом жены и матери. Когда поняла, что надоело, ушла. Куда? Неизвестно. Отец на каждый день рождения дочери вручал, кроме всего прочего, поздравительную открытку от... мамы? Аня так думала, пока не поняла, что он пишет их за нее и отправляет из тех городов, в которых бывает по работе. По легенде же, Софья путешествует. Она то ли в Корпусе мира работает, то ли в Гринписе. В десять Аня попросила больше ей не врать.

А через два года умерла баба Мариам. И это была настоящая трагедия!

30

И
ви
ду
в
не
м
от
в
е
т
,
о
т
в
е
т
и
т
я

Она приходилась сестрой папиному дяде. Родилась и выросла в Осетии. Осталась старой девой, потому что ее жених погиб за два дня до свадьбы. Мариам решила хранить верность его памяти. Она не вышла замуж, хоть к ней и сватались. Но воспитала с десятков детей. Все это были отпрыски ее родственников. Эдуард, до того как Мариам переехала в Москву, видел ее всего раз. Он был из русско-татарской ветви семьи Гараевых. Но когда позвонил кавказский дядя и попросил помочь своей сестре с лечением, не отказал. Мариам требовалась сложная операция, Эдик встретил ее, поселил у себя, договорился с врачами и медсестрами. Пока родственница лечилась, от него сбежала жена. Мариам решила задержаться, чтобы помочь Эдуарду с малышкой. И осталась на девять лет. Она и прожила так много (врачи давали не больше года), потому что не могла бросить свою воспитанницу.

— Анечка, ты готова? — послышался голос папы.

- Да. Сейчас такси буду вызывать.
- Какие глупости! Я довезу тебя до вокзала.
- Пац, не беспокойся...
- О ком еще, если не о тебе? — Он зашел в комнату, лучезарно улыбаясь.

Отец Ани, несмотря на возраст, был очень интересным мужчиной. Старость будто не коснулась его! Он был поджар, спортивен, яркоглаз. Одевался актуально. Прекрасно пах. Улыбался в тридцать два (пусть и вставных) зуба. Седые брови подкрашивал, а остатки волос сбрасывал под ноль. Ему давали от силы пятьдесят.

Женщинам Эдуард нравился. Он был не только привлекательным и обеспеченным, но и галантным, воспитанным. От него были без ума и учительницы Ани, и матери ее одноклассников. А что уж говорить о прежних соседках, которым он помогал: кому люстру повесит, кого на дачу отвезет! Каждая была не прочь стать его дамой сердца. Но Эдуард остался холостяком. Всего себя он посвятил дочери. После смерти бабы Мариам сменил род деятельности, чтобы не оставлять Аню одну. Теперь Эдуард вел дела удаленно, через интернет. Занимался ценными бумагами, кажется. Но поскольку и раньше папа работал на иностранную компанию, и платили ему в валюте, то дефолты были ему не страшны. Более того, в 2008 году, когда доллар стал в два раза дороже, Гараевы поменяли свою хорошую квартиру на люксовую.

Сейчас они жили в двухэтажной с видом на Москву-реку.

— Так с кем, говоришь, ты едешь в Энск? — в который уже раз переспросил отец.

— С коллегами по работе. С Пашей и Ташей, — уверенно ответила Аня. Она научилась убедительно... не то чтобы врать... а скрывать некоторые вещи. Вуа-лирывать их. Ташу папа знал. Она ему нравилась, серьезная, целеустремленная девочка. А Пашу Эдуард видел как-то с дочкой, и ей пришлось сказать, что он парень... Таши. Получается, что она научилась именно врать папочке?

— Я бывал там. Красивый город.

— Поэтому и едем. Хотим изучить локации, чтобы выбрать нужную для рекламного ролика. Сейчас в Энске много снимают, в том числе большого кино.

На самом деле ее поездка не была рабочей. Вчера Паша написал, что ему нужно срочно уехать в город, где он прожил треть жизни. Проведать брата деда. Захворал он, что ли? Не вспоминал о старике несколько лет, а тут вдруг сорвался. Значит, случилось что-то. Аня тут же предложила поехать с ним. Всего пара дней, подумаешь! И ехать на скоростном поезде три с половиной часа.

Она быстро придумала, что сказать отцу. Договорилась с Ташей (та и на работе отмажет, и перед родителем выгородит), билет заказала. Паша хотел сам ей купить, но Аня не стала рисковать. И правильно сделала!

— Можно взглянуть на твой электронный билет? — непринужденно спросил папа.

— Конечно. — И Аня показала скрин в телефоне. Отметила, что отец заострил внимание на том, с какой карты билет оплачивался.

— Даже не бизнес-класс и так дорого?

— РЖД дерет нещадно с тех, кому нужно срочно выехать. Я брала билет за сутки.

— Но тебе же возместят на работе?

— Конечно.

— А на расходы деньги имеются?

— Папуля, ты забываешь, что я отличный специалист с высокой зарплатой — Она чмокнула его в щеку. — Пойдем, а то опоздаем.

Он подхватил ее чемодан и направился к выходу. Аня, как не очень опытный путешественник, таскала с собой кучу вещей. И удивлялась той же Таше, которая, даже уезжая на две недели, брала с собой всего лишь рюкзак. И в нем было все! Она меняла одежду и обувь, укладывала волосы своим феном, стирала исподнее исключительно российским мылом «Летний сад» за двадцать пять рублей. И оно тоже было в ее рюкзаке. Бестолковая же Аня набирала кучу одежды и косметики, по возвращении ругала себя за это, но все равно в очередную поездку прихватывала пусть небольшой, но чемодан. И он всегда был битком!

До вокзала ехали долго. Все пробки собрали. Вот и хорошо, из-за этого папа не пошел провожать дочь до места. Она впорхнула в вагон, и поезд вскоре тронулся.

Паша сразу пересел к ней — у него было другое место.

— Мне уже не верится, что ты когда-то представишь меня отцу, — вздохнул он тяжело. — Такой повод был.

— Мы же договорились, сразу после того, как ты защитишь диплом и уволишься из «Догмы».

— Разве это что-то меняет? В клубе я трудоустроен официально, и при желании твой отец узнает об этом. А еще я... Извини уж, что напоминаю! Но я не помойный кот, Аня! Я из очень хорошей семьи. И сейчас мы едем в гости к моему опекуну-профессору.

— Это прекрасно. Субботины — интеллектуальная элита страны. И ты достойно представишь свой клан. Но не в ближайшее время. — Аня сложила руки в молитвенном жесте. — Пожалуйста, давай не будем сейчас об этом. Я вся в предвкушении нашего совместного отдыха, и так не хочется портить его...

— И что ты сказала отцу? — перебил ее Паша.

— Наврала, что еду с Ташей по работе. Так проще, понимаешь?

Он сокрушенно покачал головой.

О, если бы Паша знал, что отец считает его парнем Таши! Оскорбился бы. Но с этим Ане еще придется разбираться. Ей — не ему. Легко судить остальных, если ты сам ни перед кем не отчитываешься. А если бы были живы родители Павла, что тогда? Не факт, что они приняли бы ее, выросшую без матери, слишком привязанную к отцу. Но это еще не все: в быту Аня была совершенно беспомощна. Она не знала, как включается стиральная машина, как варятся макароны, чем чистится сантехника.

Про передачу показаний счетчика, коммунальные платежи лучше и не говорить. И какой толк от нее как от жены? Хозяйка никакая, любовница?.. Кто знает! Мать? Хорошо, если она пошла не в Софью, а в Эдуарда...

— Не грусти, малышка, — перешел на ласковый тон Паша. — Я больше не буду портить тебе настроение. В ближайшие дни точно. Я тоже хочу провести их с кайфом.

Аня обняла его, поцеловала. Она обожала своего Павлика. Поэтому так боялась все испортить.

Он был каким-то необыкновенным. Элитарным (тут она не кривила душой). Порядочный, цельный, умный, если не сказать гениальный, работающий, не высокомерный, веселый. Таких уже не осталось! Таша считала его не симпатичным. Называла очкастым торшером. А Ане и внешность его нравилась: высокий рост, немного нескладная фигура, дикие вьющиеся лохмы, которые, если вовремя не стричь, торчали в разные стороны и напоминали лианы.

— Где мы заночуем? — спросила она у Паши.

— У Эрнеста, скорее всего. В моей комнате. Но если что-то пойдет не так, снимем отель.

— Хочу в твоей комнате.

— Там, наверное, пять лет не убирали. С тех пор, как я уехал. — Он в очередной раз зевнул. Теперь забыв прикрыть рот рукой. — Не возражаешь, если я посплю? Всю ночь работал над дипломом...

И тут же засопел.

Аня положила его голову себе на плечо и достала-таки телефон. От отца было три сообщения.

Глава 4

Они явились на званый ужин с десятиминутным опозданием. Так пожелала госпожа Лавинская.

Эрнест Субботин жил в хорошей квартире, просторной, с удачной планировкой. Но пыль в ней лежала если не вековая (дом построили в семидесятых), то десятилетняя. Мебель была из тех же времен. Один из ее предметов хозяин разложил. Это был стол. Эрнест накрыл его белой, но с желтыми пятнами скатертью. Приборов наставил. Тут и богемское стекло, и фарфор немецкий, и серебряные пиалы в восточном стиле. Постарался!

— А где еда? — шепотом спросила у Коки Ариадна. Ничего съестного на столе не было, а в воздухе не витали ароматы.

— Доставка опаздывает, — так же тихо ответили ей. Но не Мария, а молодой человек, выросший за спиной. — Здравствуйте, меня зовут Павел, — представился он. — А вы, как я понимаю, Мария и Ариадна? Очень приятно.

— И нам, — расплылась в улыбке Кока, затем протянула парню руку, чтоб он ее облобызал. Но тот ее лишь пожал. Не были приучены современные ребята к целованию женских кистей.

Паша оказался приятным парнем, но очень молодым. Ари приняла бы его за первокурсника. Рядом с ним она сразу почувствовала себя старой. Нет, не нужны ей отношения с юнцом. Разница в два-три года — это еще ничего. Но восемь — явный перебор!

Еще бы убедить в этом госпожу Лавинскую...

К счастью, в этом отпала надобность в следующую же секунду:

— Хочу представить вам мою невесту, Аню, — проговорил Паша и указал на вошедшую в комнату девушку. Она несла в руках поднос с фруктами.

— Невеста? — переспросила Кока. Не пожелала поверить своим ушам.

Он кивнул, и молодые люди обменялись нежными взглядами.

Тут зазвонил домофон.

— Доставка, — обрадовался Паша и побежал открывать. Аня же поставила фрукты на стол и села.

Не хозяйюшка, поняла Ари. А когда присмотрелась к ней, то поняла почему. Девушка выросла если не в роскоши, то в достатке. В ее ушах бриллианты, золотые часики, брючный костюм «Шанель», волосы не очень густые, но подстрижены так искусно, что кажется — на голове копна. И цвет такой интересный, в обычном салоне так не покрасят. В двадцать с небольшим на все это самостоятельно не заработаешь. Но даже если умудришься чудом озолотиться, не купишь себе «Шанель» и бриллианты. Не по возрасту! Значит, родители выбирали все. Или давали денег на покупки, а Аня приобретала то, что понравилось бы им. По мнению Ариадны, выглядела девушка скучно. Но чего еще ожидать от человека, обожающего стразы и перья?

А Эрнест был все в той же одежде. Даже носки не поменял. Или у него все одинаковые?

— Машенька, ты что будешь, коньяк или шампанское? — обратился он к Коке. Остальных хозяин

дома будто не замечал. — Есть и «Арарат», и «Новый Свет».

— Все еще помнишь мои пристрастия?

— Конечно. — И засуетился, забегал. В итоге при-тащил и то, и другое.

— Вообще я не пью, но от глотка шампанского не откажусь.

— Мы все не пьем, — подала голос Аня и взяла бутылку, чтобы рассмотреть. — Никогда не видела такого шампанского. «Новый Свет», надо же.

— Деточка, в наши времена такое могли себе позволить только сливки общества, — наставительно проговорила Мария Лавинская. — Партийные шишки, видные ученые, известные артисты...

— Вы артистка? — Кока с достоинством кивнула. — Я могла вас видеть в кино?

— Боюсь, вы сейчас такие не смотрите. Но да. Я не только выступала в театрах оперетты и мюзик-холлах, но и активно снималась в семидесятых-восьмидесятых.

— Машенька — звезда, — горячо воскликнул Эрнест. — Была ею и остается.

— До сих пор снимаетесь? — с искренним интересом спросила Аня.

— Мое время ушло, увы.

— Да вы что! Наоборот, сейчас так мало по-настоящему талантливых возрастных актрис. А вы еще и поете. И красавица какая! Да по вам будут с ума сходить мужчины от сорока до бесконечности, а женщины брать пример...

И госпожа Лавинская поплыла. Еще три минуты назад она смотрела на Аню с легкой неприязнью (увела парня у племянницы, сама того не ведая), а тут просияла.

— Обычно мне завидовали, — хихикнула Мария.

— Коллеги женского пола, естественно. Но зрительницы, я уверена, хотели быть на вас похожими.

— А вы правы, милочка. После премьеры одного из моих фильмов многие подстриглись под Лавинскую.

— А вот и еда прибыла! — послышался бодрый голос Паши. — С пылу с жару. Сейчас выложу из коробок и приду.

Аня не подумала ему помочь, но Ариадна этому не удивилась. Принцессам не положено! От профессора и актрисы тоже толку мало. Они обсуждали кудряшки Марии, которые якобы накрутили все женщины Страны Советов после выхода фильма. Эрнест еще и шампанское откупоривал при этом. В кухню отправилась одна Ари.

— Давай помогу, — предложила она.

— О, это будет чудесно. Тут столько всего, и я не знаю, куда что выложить. — Они заказали и плов, и салаты, и шампиньоны на гриле, и пиццу трех видов. Еще какие-то десерты ягодные.

— На столе куча тарелок.

— Да, но как-то некрасиво нести еду в коробках и пластике. Посуды и в ящике навесном полно.

Ари открыла дверки и достала несколько больших тарелок. Они были плохо промыты, и она принялась оттирать с них застывший жир.

— Ты слышал о моей тетке, Марии Лавинской, до этого? — спросила она у Паши.

— Да. У Эрнеста в комнате стены увешаны плакатами с ее фото. Я спрашивал, кто эта женщина, он отвечал. И все три фильма, в которых твоя тетя снималась, мне показывал. Были еще концертные записи, но я отказывался смотреть их.

— А я даже и не знала, что у Коки есть такой давний друг. Он непризнанный гений, так?

— Не совсем. — Паша взял из ее рук тарелку и стал ее протирать. И делал это споро. Невесте б у него поучиться. — Эрнест сам не хочет признания. В девяностые, когда открылись границы, он мог бы уехать в Америку, например. Его звали. И продолжали это делать еще с десятков лет. Но Эрнест остался не только в России, но и в своем НИИ. До сих пор работает, хоть уже можно на пенсию уйти.

— А ты бы уехал?

— Куда? — Он выложил в блюдо плов.

— В Америку или другую страну... Если б позвали?

— Конечно. А ты нет?

Ариадна покачала головой.

— Почему?

— Где родился, там и пригодился.

— Какие глупости! Мы — дети Земли, а она огромна. Можем найти себя в любом ее уголке...

— Ни разу за границей не был? — сразу поняла Ари, но вопросительную интонацию оставила.

— Пока не довелось. А ты?

— Отдыхала в Черногории и Вьетнаме. Но это не опыт. Жить и работать в другой стране — это иное.

Паша спорить не стал. Хоть и собирался. Глядя на его надутые губки, Ари думала о том, что она никогда себе мужика не найдет. С ними не нужно спорить. Даже если несут ахинею, улыбайся и кивай. А потом, если это твой, попытайся направить его мысли в нужном направлении.

— Меня просто не позовут никогда за рубеж, — примирительно проговорила Ариадна. — Как специалиста. Я банковский служащий с восьмилетним стажем. Меня трудно переучить.

— А если замуж? — сразу расслабился Паша.

— Хоть на край света! — рассмеялась Ари. Весь вечер впереди, надо источать позитив.

Невеста Паши прискакала тут же. Услышала хохот и примчалась. Подхватила два блюда с едой и понесла их в комнату. Молодец, что тут скажешь! За нее все сделали, она только на стол поставила. Заработала плюсики, еще и жениха проверила, не заигрывает ли с новой знакомой.

Ари хмыкнула про себя. К ней ревнуют? Это прекрасно! Значит, еще не все потеряно.

Через пять минут все приступили к ужину. Начали с шампанского — сделали по паре символических глотков. Когда вилки застучали по тарелкам, в дверь позвонили.

— Я открою, — сказал Паша и встал из-за стола.

— Ты кого-то ждешь? — спросила у хозяина Мария. Тот покачал своей кудлатой головой. У Эрнеста имелись залысины, но, если бы он стригся коротко, это не бросалось бы в глаза. Да и выглядел бы он моложе. Лицо почти без морщин, глаза

живые и зубы все на месте. Пусть желтоватые, но свои.

— Кто там, Паша? — крикнул Эрнест.

— Гости... К тебе.

И ввел в комнату двоих мужчин. Одному в районе шестидесяти пяти, второму лет тридцать семь. Первый был мал ростом, сух, второй высок и статен. Они были разными, но Ари почему-то сразу поняла: это близкие родственники.

— Гурам? — удивился Эрнест.

— Гурам? — просто поразились Мария.

— Привет, друзья, — улыбнулся в бороду пожилой. У него были буйные седые кудри, монобровь, огромные уши, гигантский нос. Внешность гротескная, но не отталкивающая. Спутник же его имел пусть крупные, но правильные черты лица, прямые русые волосы, а на бритом подбородке у него была ямочка. — Знакомьтесь с моим сыном Марком.

— Я Паша, внук...

— Александра, брата Эрнеста, — закончил за него Гурам. — Вы похожи.

— Правда?

— Неуловимо, но да.

— Как вы с сыном? — не сдержалась Ари.

— В точку! Мы разные, но одинаковые. — Мужчина, чуть подтянувшись на носках, приобнял Марка за плечи. — И это не объяснишь.

— С каких пор ты не находишь слов, Гурамчик? — промурлыкала Мария. Неужто и этот мужчина был когда-то в плену ее чар?

— Машенька, в твоём присутствии я, как всегда, теряю дар речи, — ответил ей Гурам и, сделав два шага, склонился, чтобы поцеловать руку. — Ты не меняешься, все такая же ослепительная красавица.

— Не знал, что ты в городе, — проговорил Эрнест, встав из-за стола, чтобы подать гостям стулья. — В Москву давно перебрался и застрял там.

— Сегодня приехал.

— И мы, — встрепенулась Аня. — Вы на «Ласточке»?

— Нет, на машине. Домчались за шесть часов. Марк отлично водит. А я так и не получил права.

Гости уселись за стол. Им подали тарелки, благо их было много. Предложили выпить.

— Я буду коньяк, — сказал Гурам. А Марк пожелал компота.

— Извините, у нас только кола, — вздохнула Аня.

— А мы не с пустыми руками. Паша, где там наш пакет?

Тот притащил из прихожей матерчатую сумку, по-современному — шопер. В ней чего только не было! Кроме компота, какие-то мудреные кавказские закуски, зелень, шашлыки из различного мяса. И бутылочка домашнего вина.

— Родственники прислали, — сообщил Гурам. — Дамы, попробуйте, очень хорошее вино.

— Из Армении? — поинтересовалась Ариадна.

— Из Калифорнии. Там отличный виноград зревает.

От вина не отказались не только дамы. Паша тоже пожелал продегустировать американо-армянское вино. Не пили только Эрнест и Марк. Последний сидел рядом с Ари. От него дивно пахло. Но не одеколоном или лосьоном после бритья, а детским шампунем. Волосы после него были мягкими и блестящими. Ариадна едва сдерживалась, чтобы не провести по ним рукой.

— Марк, а вы чем занимаетесь? — полюбопытствовала Ари. Она так близко придвинулась к сыну Гурама, что нужно было о чем-то спросить.

— У меня небольшой бизнес. Печатаю меню, рекламные буклеты, визитки. В общем, я человек приземленный в отличие от отца.

— А он у вас...

— Драматург, писатель, поэт. В детстве и юности у него было прозвище Лирик.

Его фразу услышала Кока и воскликнула:

— А у Эрнеста — Химик. — Она отсалютовала тому фужером с красным вином. — У его брата Саши сорвалось с языка, так эти прозвища к ребятам и прилипли.

— Физика, случайно, в вашей компании не было? — спросил Паша.

— Физрук, скорее, — ответила Мария, и ее друзья рассмеялись. — Семен Забродин. Спортивный, активный. Он защищал этих двоих...

— Да, если б не Сема, били бы нас гораздо чаще, — кивнул головой Гурам.

— Ты мне о нем не рассказывал, — заметил его сын.

— Он меня очень обидел когда-то, и я решил о нем забыть.

— Как и все мы, — вздохнула мигом погрузневшая Мария.

— Так он был Физиком или Физруком? — не оставал от стариков Павел. Он почему-то очень разволновался, когда речь зашла о Семене.

— И так, и эдак его называли.

— Это в юности, — поправил его Эрнест. — Но Сеня запретил называть себя Физруком сразу после армии. Ему не нравилось это прозвище.

— Как он сейчас поживает, не знаете?

— Мы лет тридцать не виделись.

— Если не больше. — Гурам налил себе еще коньяка. — Даже не знаю, жив ли он.

— Слышал, что умер, — подал голос Эрнест.

— От кого? — полюбопытствовала Мария. Профессор пожал плечами. — Я всегда знала, что он уйдет первым из нас.

— Почему? Сеня был самым сильным, уверенным, жизнеспособным.

— Только на первый взгляд. Бедовые мужчины долго не живут. Но не будем о грустном.

И она принялась вспоминать какой-то забавный эпизод из их молодости. Делала это Мария блестяще, актриса как-никак, и слушать ее было интересно не только старикам. Молодежь была вся внимание. А невеста Павла так каждое слово и эмоцию ловила. Ариадна же была поглощена Марком. Только за ним и следила. Вот был бы подарок судьбы, окажись он свободным. Но вряд ли! Не может ей так повезти,

чтоб жених был ей доставлен высшими силами вот так запросто. Пусть с задержкой, но лично в руки. Ариадна уже в свое женское счастье слабо верила, но когда разрешала себе помечтать, даже в воображении за него ей приходилось бороться. Ехать, например, в глухую деревню или в тюрьму. Сидя на сайте, она знакомилась с разными мужчинами. Но сразу отметала зэков и тех, кто жил в области. Не потому, что недостойны. На общение с ними много времени уйдет, которого нет. Лучше скорее встретиться, чтобы понять, может что-то получится или нет. Но что, если она не права? И за счастье нужно побороться?

— Ариадна, у меня что-то на лице? — услышала она голос Марка.

— А?

— Вы смотрите как-то странно.

— Да, у вас в уголке рта укроп, — соврала она. Марк тщательно вытер губы салфеткой.

— Все?

Она кивнула и отвернулась. Стыд-то какой! Пялится на мужика так, что он даже на развеселом расказе Коки не может сосредоточиться.

Ари решила перенаправить энергию и принялась поедать острые баклажаны в томатной заливке. Чтоб никто не подумал, что она намерена сегодня целоваться.

«А как давно я это делала в последний раз?» — тут же подумала Ари. Стала вспоминать. Оказалось, что в этом году еще ни разу не сливалась с мужчиной губами. Чмокалась только с женщинами и... собаками

женского пола. Тетины питомицы зацеловывали Ари при каждой встрече.

— Как считаете, этот вечер воспоминаний сколько продлится? — обратился к ней Марк.

— Обычно тетя ложится в десять. Но сегодня ее бенефис. Так что... — Ари развела руками. Давно она в таком ударе Коку не видела.

— Отец сказал, что мы на часок. Но уже прошло полтора. Я умираю, хочу спать.

— А мне завтра к девяти на работу.

— Тогда давайте в половине десятого начнем всем намекать на то, что пора расходиться?

— Поддерживаю.

— Если что, я вас развезу.

Ари это устроило. И через четверть часа, когда Кока решила попудрить носик в ванной, она нагнала ее и сказала:

— Надо закругляться.

— Детское время еще, — запротестовала Кока.

— Половина десятого. Эрнесту, как и мне, завтра на работу. Гурам и Марк устали с дороги. Пощади ты нас.

— Если тебе скучно, езжай.

— Но я же твой сопровождающий.

— Тебе на работу, я понимаю, — и принялась наводить марафет. Не только пудрить нос, но и брови подрисовывать, губы перекрашивать. Начесывать челку.

— Мне нравится Марк, — шепнула Коке на ухо Ариадна. Не дай бог кто-то, кроме нее, услышит. — И если мы вместе соберемся, он нас отвезет.

— Так бы сразу и сказала. — Она убрала косметику в парчовую сумочку. — Ты не у меня остаешься?

— Нет, я домой.

— Тогда я приглашу в гости Анечку. Она выразила желание посмотреть фото и наряды со съемок.

— Она от тебя без ума! — это была не лесть, а констатация факта.

— Как и многие, — самодовольно хмыкнула Мария. Ей так не хватало внимания поклонников! Из-за его отсутствия она и зачахла. Сегодня же воспряла и ни разу не вспомнила о своем инсульте.

Глава 5

Он собрал всю грязную посуду и отнес в кухню. Странно, конечно, что в этом Паше никто не помог, ни двоюродный дед, ни невеста. И ладно Аня... Она уехала в гости к госпоже Лавинской, которой очаровалась, но Эрнест мог бы подсобить. Ведь это он устроил званый ужин! И он остался дома, только в комнату к себе ушел.

Паша уже забыл, каким беспомощным был в быту двоюродный дед. Мог не мыть посуду, а лишь ополаскивать, белье постельное не стирать месяц-два, столько же не чинить сломавшийся бачок унитаза, а смывать из ковшика. Когда они жили вместе, парню приходилось брать на себя домашние хлопоты. Он не привык жить в грязи: и в родном доме, и в интернате царил порядок. У Эрнеста же даже рабочее место оставляло желать лучшего. Но при этом он умудрялся отлично ориентироваться в хаосе,